

Г.М. Алексеев¹
В.И. Кирмикчи²

G.M. Alekseev
V.I. Kirmikchi

**СОВЕТСКО-GERMANСКИЙ ДОГОВОР
ОТ 23 АВГУСТА 1939 г.: ВЫМЫСЛЫ И
РЕАЛЬНОСТЬ**

**THE SOVIET-GERMAN PACT
OF AUGUST 23, 1939:
FICTION AND REALITY**

В статье представлены исторические особенности и сложный характер международных отношений в Европе во второй половине 30-х годов XX века, которые обусловили необходимость заключения договора о ненападении между СССР и Германией 23 августа 1939 г. На основании анализа материалов обоснованно показано, что секретного дополнительного протокола к этому договору нет.

Ключевые слова: политика коллективной безопасности, пакт Молотова – Риббентропа, секретный дополнительный протокол.

The article deals with the historical peculiarities and complicated character of international relations in Europe in the second half of the 30th of the 20th century that led to the necessity of concluding a non-aggression pact between the USSR and Germany on August 23, 1939. The analysis of materials proves that there was no secret additional Protocol to the Pact.

Keywords: policy of collective security, Molotov – Ribbentrop Pact.

Семьдесят один год назад прогремел салют Победы. 1418 дней и ночей приближали советские люди этот день. Приближали беспримерными по масштабам и напряжению сражениями, ценой дорогих утрат и невероятно трудных испытаний.

22 июня 1941 года Гитлер и его союзники двинулись покорять народы Советского Союза. Несмотря на неудачные сражения, грандиозное окружение Красной Армии под Киевом и десятки иных больших и малых «котлов», советские войска выстояли. И решающую роль в этом сыграли действенные меры по укреплению Красной Армии и оборонной промышленности, проведенные за два предвоенных года. Эту двухлетнюю передышку наша страна получила благодаря пакту о ненападении, заключенному с Германией в августе 1939.

¹ Доктор исторических наук, профессор кафедры общественных движений и политических партий России МГУ им. М.В. Ломоносова.

² Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии АНО ВО «Российский новый университет».

Однако до сих пор в отечественной и зарубежной историографии советско-германский договор от 23 августа 1939 года оценивается неоднозначно и остается полем острых дискуссий. Он стал своеобразным «эпицентром» спекуляций историков и политиков. Сегодня с новой силой развернулась полемика, в которую включились не только историки, но и политические деятели, в том числе и на государственном уровне. Эта полемика ведется не столько против исчезнувших с политической карты Советов, сколько против современной России. Нужен ли был пакт? Была ли у советского руководства военная необходимость для его заключения? Существовала ли альтернатива? Каковы его последствия? И, конечно, в центре внимания бурной полемики – договор с секретным дополнительным протоколом. Был ли он?

Позиции сторон – диаметрально противоположные. Одни обвиняют советское правительство в стремлении спровоцировать войну между Германией и западными державами. Некоторые политики и журналисты обвиняют СССР в «пре-

дательстве» демократического Запада и «развязывании» рук Гитлеру, возлагают равную ответственность за попустительство Второй мировой войны на СССР и нацистскую Германию. Другие утверждают, что, подписав пакт, Сталин поступил мудро, расколол империалистический фронт и выиграл время для подготовки страны к отпору агрессии.

Ответить на эти и другие вопросы невозможно без хотя бы краткого анализа международной обстановки, в которой Советский Союз оказался к концу 30-х гг. XX века.

СССР имел дипломатические отношения с большинством стран мира. В 1935 г. наша страна заключила договоры о взаимопомощи, в случае агрессии, с Францией и Чехословакией. Однако сентябрьский (1938 г.) «мюнхенский сговор» премьер-министров Чемберлена и Деладье с Гитлером и Муссолини и его одобрение правительством США вновь поставили СССР в положение международной изоляции. Практически Запад отверг предложенную советским правительством политику коллективной безопасности. Оно осудило мюнхенскую сделку как незаконную, но это не изменило сложившейся ситуации.

Как известно, Гитлер, склонный рассматривать Польшу как младшего партнера, предъявил к ней территориальные претензии: он потребовал возвращения Германии города Данцига и предоставления прохода в Восточную Пруссию через польскую территорию. Согласие Польши превращало бы ее в сателлита Третьего рейха. Однако такой союз стал бы концом англо-французского влияния в Восточной Европе. В конце марта 1939 г. Англия предоставила польскому правительству гарантии на случай любых действий, угрожающих независимости Польши. Поэтому польские правители отклонили требования Германии. В то же время английское правительство замышляло «новый Мюнхен», цель которого заключалась в том, чтобы, пожертвовав Польшей, втянуть Советский Союз в войну с фашистской Германией [2, с. 784–787].

Москва прекрасно понимала развернувшуюся в Европе большую политическую игру по принципу «кто кого обманет». Судя по докладу Сталина на XVIII съезде партии (10 марта 1939 г.), советское правительство стремилось соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим «загребать жар чужими руками». Он критиковал политику «нейтралитета» Англии и Франции, за которыми угадывалось желание «не мешать Германии впутаться в войну с Советским

Союзом». Из речи следовало, что именно Англия и Франция, а не Германия, являются поджигателями войны.

И все же советская дипломатия сделала еще одну попытку в надежде заключить антигитлеровский союз с Англией и Францией. 11 августа 1939 г. в Москву для переговоров прибыли военные делегации Великобритании и Франции. Советская сторона на переговорах предложила план совместных действий вооруженных сил трех стран во всех возможных случаях агрессии в Европе.

Ключевым, не известным ранее документом, связанным с переговорами и позицией, занятой на них нашей делегацией, является «Инструкция народному комиссару обороны СССР К. Ворошилову, главе советской делегации на переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции». Она записана маршалом предположительно под диктовку Сталина на официальном бланке, и ее рукопись хранится в архиве внешней политики Российской Федерации. В ней, в частности, ставился принципиально вопрос о пропуске частей Красной Армии через территорию Польши и Румынии в случае германской агрессии.

Иначе, – говорилось в инструкции, – «оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал» Это условие нашей делегации было связано с тем, что советской разведке стало известно о плане и сроках нападения Германии на Польшу, о чем правительство Польши было поставлено в известность [5, с. 290].

Переговоры зашли в тупик из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территорию навстречу германским армиям в случае немецкой агрессии. 20 августа 1939 г. министр иностранных дел Польши Бек телеграфировал своему послу во Франции Лукашевичу: «Польшу с Советами не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такой договор заключать не намеревается» [3, с. 22].

В целом же ход переговоров (12–22 августа) показал, что члены делегаций не имеют полномочий для принятия каких-либо решений. Вполне понятно: Лондон и Париж не желали принимать на себя обязательств на случай войны СССР с Германией. 21 августа западные делегации предложили отложить заседание на 3–4 дня. В 1945 г. в Ялте Сталин заявил Черчиллю: «Если бы Англия и Франция в 1939 г. послали в Россию миссию, действительно стремившуюся к соглашению, советское правительство не подписало бы пакт с Германией» [8, с. 180].

Что же касается позиции Польши, решительно отвергавшей все советские инициативы, то она не была случайной. Польша предлагала Гитлеру свои услуги. Еще в январе 1939 г. тот же польский министр иностранных дел Бек заявил после переговоров с Германией о «полном единстве интересов в отношении Советского Союза». Советская разведка сообщила о переговорах Риббентропа с поляками, в ходе которых Польша выразила готовность присоединиться к антикоминтерновскому пакту, если Гитлер поддержит ее претензии на Украину и выход к Черному морю [7, с. 289–290].

Словом, Польша не была невинной жертвой. Ее судьба была драматично предопределена не в последней степени ее неприязнью к России. Об этом советская литература и учебники всегда умалчивали. Главные польские устремления были направлены, как многие века назад, к Литве и Украине. Рассекреченные документы показывают закулисный торг и судорожные попытки получить свою толику от гитлеровских захватов. Польские дипломаты с ревностью убеждали германскую сторону сделать ставку на Польшу, и тогда «Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину» [4, с. 49–50].

Какова была позиция прибалтийских государств в системе международных отношений? Как свидетельствуют документы, они занимали прогерманскую сторону, «стремились остаться вне коалиций, направленных против Германии» [4, с. 51].

При этом следует учесть, что западные державы в ходе переговоров не давали гарантий безопасности Литве, Латвии и Эстонии. Вполне понятно, что советское правительство расценило это как намек Гитлеру на маршрут, по которому он мог направить свою агрессию.

В итоге, как показали последующие события, провал московских переговоров явился тем рубежом, после которого предотвратить нападение Германии на Польшу и Вторую мировую войну уже было невозможно.

Часть зарубежных, в том числе американских, историков называют советско-германский договор пактом «войны» и «раздела». Фактически пакт явился крупнейшим провалом английской стратегии за весь XX век. Его всегда будут демонизировать.

Сегодня фальсификаторы истории ни Мюнхен, ни «аншлюс», ни близорукую политику попустительства Германии со стороны Англии и Франции, а именно пакт 1939 г. называют европейской прелюдией ко Второй мировой войне.

В действительности же, в результате политики «умиротворения» Англии и Франции и ряда европейских стран, их идеологической зашоренности, в стремлении повернуть гитлеровскую агрессию на Восток, мир оказался втянутым в кровавое и жесткое пекло войны. Печальный урок истории убедительно показал: обеспечить эффективную безопасность в региональном и мировом масштабах можно только коллективными усилиями. В этой связи заметим, что советско-германский пакт 1939 г. не был причиной или неким «сигналом» к началу Второй мировой войны.

Советское правительство в сложившейся ситуации, когда призывы и предложения остановить Гитлера совместными усилиями СССР, Англии и Франции не нашли поддержки этих стран, было вынуждено принять предложение Германии о подписании с нею договора о ненападении. 31 августа 1939 г. председатель СНК, он же нарком иностранных дел В.М. Молотов в своей речи на сессии Верховного Совета СССР сказал: «Решение о заключении договора о ненападении между СССР и Германией было принято после того, как военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик» [5, с. 292].

23 августа 1939 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп прибыл в Москву, и в ночь на 24 августа в Кремле между двумя странами был подписан договор о ненападении (пакт Молотова – Риббентропа). Это вынужденное политическое решение советского правительства на какое-то время спасло страну от войны с Германией, с ее реальными и потенциальными союзниками и дало возможность укрепить свою обороноспособность. По существу, оно сорвало расчеты противников втянуть СССР в войну уже в 1939 г. Вынужденный характер пакта признавал и такой непримиримый противник большевизма, как У. Черчилль. Он отмечал в своих мемуарах: «Если у них (у русских. – Г.М.) политика и была холодной и расчетливой, то она была в тот момент в высокой степени реалистичной» [8, с. 180].

Значение этого пакта трудно переоценить и потому, что он оставил в изоляции Японию – на тот момент единственного действующего военного противника и вызвал сильнейший кризис в ее руководстве. Кабинет министров во главе с Хиранумой, выступавший застрельщиком совместной японо-германской войны против СССР, 28 августа подал в отставку. Фактический срыв германо-японского военного союза – важный стратегический выигрыш, который получил Советский Союз 23 августа 1939 года. Нетрудно

представить, какие катастрофические последствия для нашей страны имел бы одновременный удар Германии и Японии 22 июня 1941 г.

Нельзя обойти стороной так называемый секретный дополнительный протокол, якобы приложенный к пакту Молотова – Риббентропа, согласно которому границы СССР отодвигались на Запад с охватом части Польши, Литвы и др. Уже многие десятилетия усиленно внушается общественному сознанию проект американских спецслужб о существовании неких секретных протоколов, якобы подписанных Молотовым и Риббентропом 23 августа 1939 г. одновременно с заключением советско-германского договора о ненападении. Потуги современных чиновников и историков сфабриковать «оригинал» протоколов, якобы найденный в 1922 г. в архиве Президента РФ, обречены на провал.

Таковые документы не найдены ни в советских, ни в зарубежных архивах, никаких «секретных протоколов» к пакту приложено не было. Они нигде официально не признавались вплоть до 1989 г. Это примитивная фальшивка. В РФ якобы обнаружены в 1922 г. «оригиналы», но их тоже никто никогда не видел. Впервые тексты «оригиналов» протоколов были опубликованы в журналах «Вопросы истории» (№ 1, 1933 г.) и «Новая история» (№ 1, 1933 г.). После публикации ничего вразумительного об их местонахождении сказать нельзя.

В 1948 г. в США вышел в свет сборник «Нацистско-советские отношения. 1939–1941», где был представлен по фотокопии текст секретного протокола, якобы захваченного союзниками.

Кстати, госдепартаментом США, издавшим этот сборник, было положено начало путанице со словами «пакт» и «договор». В официальных же документах НКВД СССР не найдено ни одной ссылки на договор от 23 августа 1939 г., где употреблялось бы слово «пакт». А в 1983 году этот же сборник на русском языке был издан в США литовским эмигрантским издательством «Moksvo» под названием «СССР – Германия 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля 1939 г. по июль 1941 г.».

В 1989 г. в Вильнюсе 100-тысячным тиражом выпущена книга «Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г.», являющаяся выжимкой из упомянутого выше источника. В выходных данных так и сказано, что она издана по фотокопии. Наконец, в 1991 г. в издательстве «Московский рабочий» вышла та же самая книга в перево-

де Фельштинского под названием «Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы». Не рассматривая подробно эти фальшивки, достаточно заметить, что подпись Молотова начертана в двух случаях латиницей (текст договора и протокол на немецком языке). Как Молотов мог подписать документ латинскими буквами? Объективному исследователю ясно, что это, конечно, полная чушь. Только безумец может поверить, будто Молотов расписался латиницей не только на «оригинале», но и на копии. Короче, это была главная загадка, которая всех сбивала с толку и ранее была необъяснима.

Касаясь кратко содержания договора от 23 августа 1939 г. и так называемого «секретного дополнительного протокола», на который кивают, надо отметить, что они не содержат статей о военном сотрудничестве двух стран. В них нет положений, которые обязывали бы стороны осуществлять военную акцию в отношении государств, вошедших в сферу интересов. В том же «секретном протоколе» предусматривалась только возможность таких действий, о чем свидетельствует дважды использованная формулировка «В случае...» Кстати, относилось это только к Германии. Заключенный 23 августа 1939 г. советско-германский договор о ненападении ущемлял интересы третьих стран. Тем не менее, в Прибалтике в конце 1980-х гг. разразилась массовая истерия по поводу якобы преступного сговора Сталина и Гитлера, в результате которого Литва, Латвия и Эстония лишились независимости.

В июне 1988 г. состоялось скандальное выступление писателя Маврика Вульфсона в Риге на пленуме творческих союзов, где он впервые в СССР публично поднял вопрос о «секретных протоколах» и «оккупации» Прибалтики. Речь эта получила большой международный резонанс, солидарность с Вульфсоном выразили даже американские конгрессмены.

Доказательством преступления сталинского режима перед балтийскими народами перестройщики объявили не сам договор, а некие «секретные протоколы» к нему о разграничении сфер интересов между Германией и СССР. На базе этой фальсификации был даже разработан пропагандистский миф о том, что Вторая мировая война, дескать, началась потому, что Сталин и Гитлер сговорились о разделе Польши.

В дальнейшем острота дискуссий вокруг проблемы протоколов 1939 г. переместилась с польского на прибалтийское поле. На I съезде народных депутатов СССР (май 1989 г.) прибал-

тийские депутаты подняли вопрос о денонсации договора от 23 августа и дополнительного к нему «секретного протокола».

С докладом по этому вопросу выступил секретарь ЦК КПСС и член Политбюро А.Н. Яковлев. Он пытался убедить делегатов в подлинности «секретных протоколов», уверяя, что он якобы держал в руках копии с фотокопий этих протоколов (неизвестно кем и неизвестно когда сделанные), переданные ему властями ФРГ. В силу неубедительности самого доклада делегаты съезда проголосовали против денонсации.

Председательствовавший на съезде М.С. Горбачев заявил тогда, что в архиве МИДа РФ действительно нет источника, оригинала, а есть лишь копия секретного протокола. Казалось бы, раз нет оригинала, то надо было бы занять жесткую позицию: протоколов нет, копии являются фальшивками, и потому прекратить спровоцированную дискуссию. Горбачев, однако, пошел дальше. Сказав, что попросит канцлера Коля найти оригинал протокола в немецких архивах, он предложил создать специальную комиссию для выяснения этой проблемы. И такая комиссия была создана 2 июня 1989 г. (а оригинал до сих пор ищут). Ее возглавлял А.Н. Яковлев.

Заметим, что депутатская комиссия ни с какими документами не работала. Все было передано Яковлеву. Кстати, свой доклад II съезду народных депутатов СССР (декабрь 1989 г.) прораб перестройки даже не согласовал с членами депутатской комиссии. «Добро» на свое выступление на съезде он получил лично от Горбачева.

В принятом съездом Постановлении от 24 декабря 1989 г. «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» в частности говорится, что «одновременно с договором был подписан “секретный дополнительный протокол”... Подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Однако графологическая фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования» [1, с. 170–172].

В витиеватых словах «графологическая», «фотографическая», «лексическая» экспертиза явно просматривается стиль и метод ложной аргументации мистификатора Яковлева, его стремление ввести аудиторию в заблуждение.

Споры и суждения мировоззренческого характера не утихают и до сих пор. И все же воз-

никает закономерный вопрос: почему и зачем спустя полвека в стране, тонущей в кризисе, вдруг понадобилось на двух съездах обсуждать пакт Молотова – Риббентропа, а миф о «секретных протоколах» запустить в широкий пропагандистский оборот? При этом надо учесть, что официально никто перед Советским Союзом вопрос о признании «секретных протоколов» не поднимал. А 22 июня 1941 пакт о ненападении рухнул. Словом, как это могло повлиять на текущую политику?

Сегодня вполне очевидно, что главной целью было уничтожение СССР. Ставка была сделана на создание антирусских сепаратистских движений в национальных республиках страны. Флагманами здесь выступили Литва, Латвия и Эстония. Мобилизующим фактором явился миф о советской «оккупации» прибалтийских стран в 1940 году и сговор между Сталиным и Гитлером в августе 1939 года. В этой ситуации именно миф о «секретных протоколах» стал базовым для сепаратистских прибалтийских движений, которые уже в 1990 году сделали распад СССР свершившимся фактом.

В день Победы 8 мая 1945 года президент США Трумэн направил Верховному главнокомандующему Сталину послание: «Теперь, когда советско-англо-американские войска принудили армии фашистских агрессоров к безоговорочной капитуляции, я хочу передать Вам и через Вас Вашим героическим армиям горячие поздравления нашего народа и его Правительства. Мы высоко ценим великолепный вклад, внесенный могучим Советским Союзом в дело цивилизации свободы...»

По случаю нашей общей победы мы приветствуем народ и армии Советского Союза и их превосходное руководство».

Не будем забывать, что если бы не политическая дальновидность, проявленная советским руководством в августе 1939-го, подобной телеграммы, возможно, и не было бы. Путь к нашей Победе в мае 1945 года был проложен и в августе 1939 года.

Литература

1. Законы, постановления и другие акты, принятые II съездом народных депутатов СССР, 12–14 декабря 1989 г. – М. : Изд-во Верховного Совета СССР, 1990. – С. 170–171.
2. История дипломатии. Изд. второе. Т. 3. – М., 1965. – С. 784–787.
3. Кульков Е.Н. и др. Война 1941–1945. Факты и документы. – М., 2001. – С. 22.

4. Нарочницкая Н. За что и с кем мы воевали. – М., 2005. – С. 49–50; 51.

5. Очерки истории российской внешней разведки : в 6 т. – М., 1997. – Т. 3. 1933–1941. – С. 290; 292.

6. Черчилль У. Вторая мировая война. – Т. 6. – М., 1954. – С. 289–290.

7. Черчилль У. Вторая мировая война. – М., 1991. – Кн. 1.